

10/X-90

Фадеев А.

Предсмертное письмо Александра Фадеева и вокруг него

ТРИ УШАТА ПАРТИЙНОЙ ВОДЫ

Как-то, когда я в очередной раз пошел себе на очень послушного, одного из партийных руководителей, сказал мне: «Твое, Дудинцев, счастье, что ты не член партии, а то мы вылили бы на тебя три ушата партийной воды». В деле самоубийства Александра Фадеева «партийная вода» сыграла свою роль. Читая «Разгром», я ловил себя неоднократно на мысли, что жизнь и смерть Фадеева были похожи на жизнь Венки, героя повести П. Нилана «Жестокость». Бюрократ был таким же горячим и последовательным коммунистом, его так же постигло разочарование, и он покончил с собой.

Я видел Фадеева, слышал его выступления — это был жесткий, суровый руководитель, сам способный выливать ушаты партийной воды на головы провинившихся писателей. Дитя идей, апостол Владимира Ильича Ленина, он был тем легированным сплавом, в котором соединились ленинские идеи, замешанные на марксизме, и ненавистная коммунистам интеллигентская мягкость. То, что Фадеев был членом партии, — его величайшее несчастье, за которое он заплатил жизнью. Высокоодаренный писатель, поэт в прозе, а его поэтические интонации, чувства — он приносился перед интеллигентскими Льва Толстого и невольно подражал ему, хотя как идейный коммунист всякую интеллигентность должен был ненавидеть. Да, это был прекрасный писатель, но коммунистическая идея начала его голову ортодоксальностью и жесткостью, которые легко заметить и в романе «Разгром», и в его выступлениях, проносимых с трибуны разных собраний по адресу слабых.

Его несчастье в том, что его назначили первым лицом официальной советской литературы и он с этим согласился. Выбор наших вождей никогда просто так не падал на кого-то. Взгляд — выбирающий и оценивающий, который был на него направлен, думаю, ощущали и другие известные писатели. Я знаю, что говорю, на мне он тоже неоднократно останавливался. Но с другими не вышло, а с Фадеевым получилось. И здесь, повторно, элемента случайности не было.

Мне не раз приходилось на себе испытывать и литературный, и партийный маскак. Да, я не коммунист, потому что если бы я был им, то скорее всего был бы коммунистом последовательным и глубоко верующим. И, возможно, претерпев «партийную воду» и разочаровавшись, я должен был бы тоже принять весьма серьезные решения относительно своей судьбы. Но я всегда был только тем, кем являлся. И таким остался. Но как бы то ни было, Фадеева мне искренне жаль, я глубоко сочувствовал его страданиям и тогда, когда после самоубийства он объявлялся слабым человеком, жертвой алкоголизма, и сейчас, прочитав его предсмертное

письмо, тоже сочувствую. Одновременно подтверждаются мое твердое, выстраданное убеждение, что Фадеев не с теми людьми дружил и сотрудничал, не за теми пошел. Они предали его, как предавали всегда тех, кто им верил, более того, кто признавался в горячий любви и основательно сотрудничал в деле строительства коммунизма. Александр Фадеев пал жертвой подобного предательства, вынести которое человеку его марксистских идей, но и его интеллигентской заправки было невозможно.

Вот, скажем, за что меня колотили, когда я написал «Не хлебом единым»? А ведь когда я писал этот роман, у меня на шее было крепко повязан красный пионерский галстук, и я желал помочь партии в том деле, о котором она объявляла на страницах «Правды». Роману предшествовала передовая статья в газете, где сурово разнесся клан бюрократии за то, что они, бюрократы, мол, не дают ходу новаторам. Эта передовая и стала толчком к написанию романа.

За что получил свой ерск Я. Смеляков, как я его называю, Генрих Гейне советской власти? Из-за чего выбросили с балкона поэт Н. Деметров, искренне воспевавший партию? Сколько их, таких интеллигентов, было уничтожено, втоптанно в грязь, стерто в пыль во имя партии?

Я слышал, что никогда не состоял в ее рядах. Но сегодня, наблюдая почти повальное бегство из партии, понимаю, что это совсем не похоже на уход того же Фадеева, на отчаяние Я. Смелякова, написавшего про свою землю: «Ты дала мне вершину и бездну».

Итак, сегодня предсмертное письмо Александра Фадеева опубликовано. И опубликовано именно в партийном органе — газете «Гласность». Затем его перепечатали другие издания. Что это — доказательство быстро развившейся демократии? Боюсь, что тем кощеем бесмертным, которые сторожили это золотое яйцо свыше 34-х лет, понимая, что в нем их, кощеев, смерть, просто стало известно, что кто-то уже к этому письму подбирается. Такое у меня предположение. Ибо даже сегодня не только публикуются письма, даже напоминают об этом самоубийстве — страшно. Да, это было страшное самоубийство. Но, видимо, с охраной тайны произошла драматическая ошибка, грозящая тем, что письмо вот-вот появится в одной из тех газет, что в большом количестве продаются нынче у станций метро. Так что, с моей точки зрения, эта публикация не доказательство демократии, а лишь симптом, подтверждающий правоту многих разочаровавшихся в партии. И думаю, что этот симптом не прибавит новых фамилий в список КПСС, а скорее, наоборот, их убавит.

Владимир ДУДИНЦЕВ

ПОДАЛЬШЕ ОТ ЦАРЕЙ!

Василий Ажжев — человек, отнюдь не склонный к безотчетным фантазиям, — доверительно рассказал мне историю предсмертного письма Фадеева. Вот как эта история мне запомнилась.

Ажжев был в то время одним из секретарей Союза писателей СССР. Ему позвонили из Переделкина, сказали, что с Фадеевым случилось несчастье. Ажжев немедленно приехал. По его словам, он был одним из первых, исключая родственников и соседей, кто вошел в комнату, где произошло самоубийство. Фадеев полулежал на кровати, он выстрелил в сердце.

На столе был конверт с надписью «В ЦК КПСС». Конверт не был запечатан. Ажжев взял конверт и положил его к себе в карман пальто. Он потом говорил мне, что у него в тот момент не было и мысли, чтобы прочесть письмо, — ведь оно адресовано не его помощнику С. Н. Прохорову, а самому Фадееву. Ажжев признался, что впоследствии весьма сожалел о своей шепелитности, ибо письмо так и осталось в для него, и для современников тайной за семью печатями.

Каче подкатили три черные машины, с визгом затормозили. В комнату бежал начальник тогдашнего МГБ Серов. Ажжева поразило то, что Серов даже не взглянул в сторону покойника. — Письмо есть! — прорывался он Ажжеву.

Ажжев вынул из кармана письмо, и Серов буквально вырвал его из рук. Даже после этого не повернул головы в сторону несчастного самоубийцы. Серов и его приближенные так же стремились и скрылись. Фадеев их не интересовал. Их интересовало письмо. Поразительный нюанс: они чувствовали, что в этом конверте — компромат не на самого Фадеева, а на ту систему, которая его искалечила, довела до самоубийства.

Ажжев мне рассказывал, что, когда он попытался однажды узнать о содержании письма у идеологического чиновника из ЦК Поликарпова, тот затряс головой и поинтересовался: — Там он так-то понаписал, что... что... и ничего не могу выдать из себя, аж задохнулся от возмущения фадеевским самоубийством, а вместе с ним — письмом как некой черной неблагодарности.

ГДЕ ЖЕ ЭТОТ ТЕКСТ?

Александр Фадеев, как известно, погребен в Воскресенске. В начале недели моего мужа, Игоря Сергеевича Чернуцана, спросил тогдашний помощник Суслова Воронцов, читал ли он предсмертное письмо, оставленное Фадеевым. И. С. ответил, что не читал этого письма, — это были первые годы его работы в Отделе культуры ЦК. «Ты в сюжете», — сказал Воронцов, — через некоторое время принес И. С., не знаю, все ли, — и я прочитал несколько страниц из него.

И. С. прочитал кусок, в котором Фадеев писал, горько сетовал на то, что

участники собрания — писатели, делами и нуждами которых он отдал много лет жизни, очень резко выступили, критикуя его. Это его крайне оскорбило, что и было высказано в письме. И нашелся только один человек, молодой работник Отдела культуры ЦК И. С. Чернуцан, — писал Фадеев, — который выступил против этого потока обвинений и очень горячо говорил о том, сколько времени и сил я отдавал Союзу и защите писателей в самых разных ситуациях. Этим А. Фадеев был глубоко тронут.

Вот, собственно, все, что знаю я. Маргарита АЛИГЕР

<В ЦК КПСС>

Не вижу возможности дальше жить, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или побиты, благодаря преступному допущению власти инстинкты; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40—50 лет.

Литература — это святая святых — отбрана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун — таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, раздавался новый лозунг «Ату е!».

Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинкой».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, унижали, идеологически пугали и называли это — «партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, сказавшись примитивным, невежественным — при возмущительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был все это исправить. Литература отбрана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единичные тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и — по возрасту своему — скоро умрут.

И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный богом талантом незурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под клядой бездарных, несправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимым бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводный итог жизни своей, невыносимо вспоминая все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу полноты и искренности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворшило из великого ленинского учения даже тогда, когда они кланяются им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается полость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хотеть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

Ал. ФАДЕЕВ

13/V. 56

ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ СУТОК

Рассказывает сын писателя Михаил Александрович ФАДЕЕВ:

— В детстве у меня было неважно с сердцем, и я подолгу лежал в санатории. Но весной 56-го года меня на время взяли домой, и эти дни, недели три, я прожил с отцом в Переделкине. Жили тихо, спокойно. А весна выдалась холодной, затяжной, и мне кажется, что вплоть до 13 мая в оврагах еще лежал снег и лес стоял голый, без листьев.

12-го мы поехали в Москву, и я весь день провел с отцом: сидел у него в кабинете. Насколько помню, никто к нему не приходил. В тот же день или накануне привезли книги, которые отец выбрал из очередного списка. Этот список он всегда показывал мне, чтобы я отметил то, что может заинтересовать одиннадцатилетнего мальчика. И теперь я погрузился в какую-то приключенческую повесть, называлась она «Серая скала».

Вечером мы поехали на дачу. Было уже поздно, часов девять. Сразу за переделкинским прудом, у поворота налево, когда до дачи оставалось несколько сот метров, отец вышел из автомобиля и дальше пошел пешком. Меня же шофер довез до самого дома, и я снова взялся за свою книгу и лег спать только тогда, когда дошел до до конца. Но она была не очень толстой, и отца я, кажется, не дождался. А спали мы в втором этаже в одной большой комнате, наполненной перегороженной выступом дымохода. Эта же комната служила отцу кабинетом.

Проснулся я поздно. Отец был здесь же, но вспоминаю я его в эти минуты неотчетливо. Выглядел он, по-моему, плохо. Я пошел поздравлять, взяв с собой другую, еще не читанную книгу, чтобы не мешать папе работать. Он заходил в столовую до меня, но почему-то так и не позавтракал.

На даче были Евгений Федорович Книпович, которую отец пригласил отдохнуть за городом, домработница и мамин дядя — Петр Владимирович Прохоров, дядя Петька, как мы его звали. С книжкой я устроился в комнате, которая располагалась прямо под спальней. Новая повесть показалась мне гораздо менее интересной, но другого занятия не было. И тут отец спустился вниз и сказал мне: «Не пойдешь ли ты погулять?» За окнами шел мелкий, совершенно осенний дождь. Я заурчжал: «Ой, как обычно, стал говорить: ты же мужчина! Но особенно не настаивал. Я что-то неопределенно пообещал — и он ушел. Было, наверное, полдвенадцатого или одиннадцатого.

А потом мы услышали выстрел. Вообще в поселке часто стреляли, у нас на участке тоже. И я не только видел, как это делается, но и сам уже умел стоять из охотничьего ружья. Однако этот выстрел не был похож на то, к чему я привык. А тут еще дядя Петька сказал: «Полы рассыпались» — или, может быть: «Дерево треснуло». И я снова уткнулся в книгу.

Минут через сорок подошла ко мне домработница и попросила подняться к отцу и позвать его завтракать. Я не сразу согласился. Не то чтобы меня воспитывали в строгости, но что положено, то не положено, я знал твердо. А отрываться от отца от работы не полагалось.

Когда я все же приблизился к отцовской двери, оказалось, что она приоткрыта. Это меня приободрило. Я вошел, и увидел на подушке лицо отца, и испугался, так как почувствовал, понял, что это не живое лицо. Мне мешала спинка кровати. Она была вышита, а я был маленький. И я сделал два шага, чтобы взглянуть на спичку, и увидел, что в сторону отброшена рука с пистолетом, а на груди — кровь. Я не видел письма, я не заходил больше в эту комнату, я слетел вниз с криком: «Папа застрелился!»

Какое-то время для меня пропало. Что было со мной, не знаю. Когда я очнулся, все испуганно бежали, но никто никогда не решился звонить. Потом появились Федин и Всеволод Иванов: они жили по соседству.

Я не мог находиться в доме. По-моему, все время плакал. Вышел во двор. Когда подошел к воротам, то с улицы к воротам подбежал незнако-

мый человек, отшвырнул палку, которой они заперлись, и во двор выехала машина. С кем, не знаю. По-прежнему моросил дождь. А в деревне напротив накрылась гармошка.

Потом Тамара Владимировна Иванова отвела меня к себе на дачу, и я там остался. Отца больше не видел, на похороны не был. Часто вспоминаю его в тот момент, когда он на въезде в Переделкино вышел из машины: в полумраке — белая голова, гордая фигура. Он был для меня большим, мужественным и очень красивым человеком.

Летом ЛИБЕДИНСКАЯ: — 12 мая утром Юрий Николаевич Либединский сказал мне: «Хочу сегодня навестить Фадеева. Мы так редко видимся, а годы идут, сколько их еще осталось?»

Около двенадцати часов мы пришли на фадеевскую дачу. Александр Александрович встретил нас в старенькой пижаме, сказал, что ночью мучился бессонницей, принял несколько порошков снотворного, но так и не смог уснуть. Я смотрела на его шею, коричневою, изрезанную глубокими морщинами, и устаревших русских крестьян, и вспоминала, как он зимой сказал Юрию Николаевичу: «Мы стали старыми».

Но вскоре это впечатление прошло. Фадеев стал с увлечением вспоминать детство, юность. Потом разговор перешел на общие, политические и литературные, темы.

Разговор был долгий, мучительный — точнее, это был монолог страдающего человека. Фадеев сказал, что после обеда собирается с сыном Мишей в Москву и хочет сегодня навестить Самуила Яковлевича Маршак. Он предложил нам вместе победовать, но мы торопились домой и стали прощаться. Фадеев крепко обнял меня и кивнул головой на Либединского, сказал:

— Береги его, мало нас осталось! — он повернулся, взял Юрия Николаевича обеими руками за голову, долго смотрел на него, потом несколько раз поцеловал. Было что-то в этом прощании, что колыхнуло мое сердце: не свойственная мужчине такая нежность. И я сказала:

— Саша, приходи к нам, мы тебя очень любим!

— А вы и любите! — ответил он не то шутя, не то серьезно.

Валентин БЕРЕСТОВ: — Перед самоубийством, как мне рассказывал С. Я. Маршак, Фадеев навестил его и еще нескольких писателей, как бы прощаясь с ними. Никто не заметил, в каком он был состоянии, кроме Т. Г. Габбе, друга Маршака и его соратницы по ленинградскому Детгизу. Когда Фадеев приехал к Маршаку, она успела шепнуть: «Не о Твардовском с ним говорить, а о нем самом. Смотрите, какие у него глаза». Но Маршак продолжал попытки восстановить дружбу двух писателей, говорил о тогдашних сложностях поэта, о том, как ему мог бы помочь Союз писателей. Маршак многим рассказывал этот эпизод, восхваляя чуткость и проницательность Тамары Григорьевны. Кстати, этот рассказ записан со слов Маршака Василием Субботиным и опубликован в своих воспоминаниях.

Невестка Маршака Мария Андреевна вспоминает, что в тот же день Фадеев позвонил сыну Маршака, назвав его детское имя — Эдик. Иммануила Самойловича не оказалось дома. Почему Фадеев позвонил после встречи сыну, а не отцу? Фадеев любил и очень высоко ценил поэзию Маршака, в 1947 году он сказал: «Если искать родства его стихов с какими-нибудь стихами в прошлом, то они прежде всего родственны пушкинскому стику». В предсмертном письме есть боль за сохранившихся «священных огонь» писателей, которые «скоро умрут». Весной 1956 года, уезжая на раскопки, я зашел к Маршаку и был поражен тем, как он резко и непривычно поостерел. Может, Фадеев, прощаясь, хотел сказать сыну что-то вроде: «Береги отца!» Но тут, увы, можно лишь гадать. Для меня несомненно одно: не Маршак приезжал к Фадееву, как написано в «Гласности» за 20 сентября, но Фадеев к Маршаку, а с своим

тяжком предсмертном состоянии Фадеев находился уже до тех пор, а не в результате его, как утверждается там же со ссылкой на Е. Ф. Книпович.

Валерия Иосифовна ЗАРАХАНИ, секретарь Фадеева, сестра его жены А. И. Степановой:

— 12 мая была суббота, по тем временам — обычный рабочий день. Приехав с дачи в город, он занимался своими делами. 12-м, например, помещена телеграмма, отправленная им в Новосибирск: с обещанием выслать авансочной дачей через десять воспоминания о Секулиной — они так же не были написаны. Потом пошел с Мишей в парикмахерскую. По дороге встретил сотрудницу правления Союза писателей Изабеллу Исаковну Ришину. Поставил с ней, поговорил. Затем ездил к Маршаку. От Маршака звонил мне. Сказал, что едет на дачу. Спросил: «Ты приедешь завтра?» Я говорю: «Дай мне выходной». Вечером Фадеев — воскресенье. Потом мне говорили: почему ты к нему не поехала? Но он не настаивал, и голос у него «белая, призрачная» — я бы, конечно, поехала. Но разве дело во мне? Это могло случиться через неделю, через два дня. Правда ведь?

На следующий день, мы как раз сели обедать, раздался телефонный звонок, и Евгения Федоровна Книпович сказала: «Валя, Саша застрелился». Я тут же бросила трубку — от неожиданности, от страха. Опомилась, перезвонила, спрашивала: «Что делать?» — «Не знаю». Позвонила в Четвертое управление, пообещали выехать.

Какжется, искала Поликарпова из ЦК, потому что Фадеев с ним дружил. Но его домашний телефон не отвечал. Звонил Антону Гудашу, он говорил: «Сейчас мы приедем». Он приехал с женой, вместе с нами сел в машину и мой сын, минут через сорок мы были в Переделкине.

Он был уже мертв. Врачи говорили, что смерть наступила мгновенно. Он был прекрасным стрелком, охотник и выстрелил точно в сердце. Обычно красноватое, лицо его было бледным. На даче мы застали Федина и Всеволода Иванова. Все сидели молча в столовой, ждали следователей. Саша был наверху. Я встала. Константин Александрович говорит: «Вы куда?» — «Я поеду к маме. И он пошел со мной. Когда мы подошли к самой кровати, то обратили внимание, что на тумбочке,

стоявшей рядом, лежит голубой конверт с надписью: «В ЦК КПСС». Я взяла его в руки. Но Константин Александрович сказал: «Оставьте его. Приедут из прокуратуры, во всем разберутся». Я положила письмо обратно.

Ночью я звонила сестре, Ангелине Иосифовне, в Югославию, где она была на гастролях вместе с МХАТОМ. А утром мне позвонил Дмитрий Алексеевич Поликарпов: «У нас будет по этому поводу заседание. Не подходите к телефону». Значит, решили, как объявить о смерти: признать самоубийство или выдумать инфаркт. Решили самоубийство признать, но свалить на алкоголизм. Федина вызвали. Меня в Союз, заглядев: Валерия Иосифовна, это ужасно, но ничего сделать нельзя. Союз пришлось смирились с шельмованием одного из своих руководителей. Там же, в ЦК, определяли, как и где хоронить. Поликарпов поспешил обрадовать: «С большим трудом пробили Новодевичье». А теперь мы узнали, что Фадеев просил похоронить его рядом с матерью, то есть на Введенском кладбище. Как и само письмо, последняя воля была утаена.

Я шла по улице, рядом остановилась машина, и Сурков машет: «Садитесь, я вас подвезу». Села я в машину, поехали, он говорит: «Знаете, я сейчас из ЦК. Просил показать мне письмо Сашин — не дали».

Софья Антоновна СУРКОВА, вдова А. А. Суркова: — Вечером, накануне похорон, к нам зашел Сеченов. Гроб с телом Фадеева уже стоял в Колонном зале Дома союзов. И Алеша рассказал то, что там услышал. Оказывается, по ночам в Колонном зале бегают крысы. И мы пошли в Дом союзов, чтобы провести ночь у гроба Фадеева.

Нина Ивановна ДИКУШИНА, литературовед:

— Когда выносили гроб из Дома союзов, я оказалась у самой двери, и меня поразило, как стремительно отъехал автобус, едва в него поставили гроб. «Автобус на максимальной скорости», — так записала свое впечатление от этих похорон Ольга Берггольц. Военные выносили гроб, сами сели и тут же уехали. Родным пришлось садиться в другую машину.

Очень много народу было на кладбище. Настоящее столпотворение.

Послесловие к публикации

Чтобы дискредитировать последние ленинские суждения, Сталин сказал: — Это говорит не Ленин, это говорит болельщик Ленина.

Наука пошла вперед. И когда открывались от Сталина его бывшие соратники столкнулись с предсмертным письмом Фадеева, то они продемонстрировали поразительную верность традиции: объявили единственной причиной самоубийства писателя его болезнь. В официальном некрологе, который на всякий случай никем не был подписан, читателям «Разгрома» и «Молодой гвардии» сообщалось: «В последние годы А. А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности». В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством, который привел к ослаблению его творческой деятельности. В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством.

Прошло более 30 лет, прежде чем газета «Гласность», использовав свои «родственные связи» с ЦК КПСС, 20 сентября 1990 года известила, что «письмо найдено». Отдадим должное журналистской инициативе, но не будем воображать, что поиски были долгими и трудными. Можно не сомневаться, что письмо лежало там, куда его положили. Тогда нашли под лавкой. Другое дело,

что сама эта «лавка» по-прежнему недоступна биографам Фадеева и специалистам по его творчеству, и такие издания, как «Известия», «Учительская газета» и др., вынуждены были печатать письмо не по оригиналу, а по версии «Гласности», несмотря на ее явную текстологическую несправедливость. Нет пока иной возможности и у нас.

Публикация важного общественно-литературного документа, партийная газета смогла обойтись без публикатора, во всяком случае, не сообщить о нем. И неизвестно, кто дописывал сокращенные Фадеевым слова, корректировал знаки препинания, оставляя в то же время в неприкосновенности очевидные описки и добавляя свои. Кто, наконец, этого не говорил, позволил себе сократить фадеевский текст?

Странное дело, но сегодняшняя газета, забыв указать место хранения предсмертного письма Фадеева, а также представить тот комплекс документов, в котором оно находится, — вещь, необходимая для столь серьезной публикации, не удержалась от того, чтобы вернуть упоминание о болезни при перечислении причин самоубийства, заботливо вороша уголки старого, дискредитирующего мифа.

Положение обязывает!

В. РАДИШЕВСКИЙ, обозреватель «ЛГ»